

Василий Иванович Немирович- Данченко

Дербент в начале сороковых годов

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по

югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама, «Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не

всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны 1877—78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904—1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья сыть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевны. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвящение» предпринято издание со-

чинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу «Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Дербент в начале сороковых
годов**

Причудливые горы, сливаясь, недолго тонули в таинственном полусвете... Море слегка колыхалось. Южные звёзды ещё страстно горели над ним. Но, когда на его безбрежный простор легли уже алые отсветы зари, — на лево весь грозный Дагестан точно выдвинулся величавыми и мрачными вершинами. Амед смотрел туда. Как всё было пустынно! Аулы внутри за первым кряжем. На берегах к горам прижались только рощи громадные, вытянувшиеся зелёными облаками на целые мили. Там, когда прежде ему случалось проезжать по ним, он видел следы рвов и окопов. Горец знал, что это остатки славного похода, совершённого здесь некогда великим Петром... Но теперь ему было не до этого. Он стремился всё вперёд и вперёд. Он соображал, что погоня за ним давно уже несётся, и старался как можно далее убраться подобру-поздорову. Разумеется, когда украденный у Хатхуа кабардинский конь протянет ноги, — лезгины уже далеко отстанут, — Амед будет в виду русских позиций, но для этого надо не обращать внимания на усталь и всё более и более увеличивать расстояние между собою и ими... Когда

солнце поднялось, наконец над вершинами Дагестана, — конь уже не мог идти так быстро. Ноги его подкашивались. Справа море набегало кипучими волнами на золотые отмели... Казалось, чудовищные змеи развёртывались и свёртывались в клубках пены. Грудью выгибались упругие воды налетающих валов и внезапно раскидывались белыми кружевами по береговому понизовью. Грохот и шум их глушил все остальные звуки. Амед вовремя вспомнил, как живущие у моря чеченцы освежают усталых коней. Он с разлёта въехал в море. В брызгах солёной пены, в каком-то белом облаке понёсся он по крайней линии прибоя, чувствуя, что всё на нём от папахи до чевяк смокло. Конь храпел, отворачивая морду, останавливался и снова, поматывая тонкой шеей, шёл вперёд. Из воды он вышел освежённым, а когда поперёк берега легла серебристая нить горного потока, и лошадь напилась в нём, — она вдруг сама почувствовала себя бодрой, прибавила шагу и быстро понеслась вперёд.

Эту ночь усталый и изнеможённый Амед провёл в мирном ауле, у своего кунака.

На другой день встал он рано и к вечеру уже увидел вдали величавые стены Дербента.

Стены Дербента! Сколько веков протекло над ними, и каких событий были они безмолвными свидетелями! Громадные валы народных войн часто разбивались об их некрушимые оплоты, пока не явился настоящий властитель — Россия, до тех пор Дербент изпод ига персиян переходил к туркам, становился независимым, вновь захватывался персами, чтобы после опять почувствовать на себе оковы предприимчивых соседей.

В 1806 г. неожиданно под стенами Дербента явился Зубов, взял город штурмом и присоединил его на вечные времена к Российской державе. С тех пор ханство дербентское было отёрто с лица земли, в цитадели, вместо султанов или ханов, поселили храброго майора в качестве коменданта и дали ему две роты молодцов, творивших тогда чудеса на Кавказе и за Кавказом.

Лучшее время для Дербента наступило при Ермолове, здесь началось рыцарское управление краем. С ним пришли лучшие люди тогдашней России, скоро завоевавшие нам

здесь великое уважение. Справедливость царствовала в судах. Часто даже немирные племена, джигиты, участвовавшие в газавате, являлись разбираться в Дербент, зная, что им будет оказана «правда» в полной мере... Население успокоилось и разбогатело — да так, что в соседних горных ханствах, как например, в Елисуе, Тарках и других, возникли большие народные партии, долго противившиеся газавату. Они высоко ценили наше управление, — а персы даже бежали сюда из отечества, зная, что тут их ждёт безопасность и довольство... Мало-помалу Дербент, некогда похожий на аул, обнесённый стенами, вырос и стал городом настоящим, ярким и пёстрым. Безлесная гора довольно круто поднималась над морем, по этому скату сверху от гребня до моря шла выемка, — точно гора внутри вдавалась, чтобы дать место городу, ласково обнять его. В этой громадной впадине с высоты к берегу древний город раскинулся в колоссальных сказочных стенах... Каждый домик, каждая мечеть отсюда годились бы на эффектную декорацию. Белые, выбеленные окна на серых стенах весело блистали на солнце, зелё-

ные деревья над ними недвижно замерли в воздухе, несмотря на отсутствие ветра, уже напоённом ароматом цветов. Изящные галерейки, как ласточкины гнёзда, цеплялись всюду, где им оказывалось место. В вершине угла — белели параллелограммы комендантских домов и цитадели укреплений. Посреди города громадный купол зелёный и правильный... Это — большая персидская мечеть. По другую сторону, на востоке, голубая полувоздушная полоса Каспия, немолчный и ласковый шелест пышных садов, точно розовым дождём осыпанных цветами... Какие-то чужеродные растения цепкими стеблями перекидываются с одного дерева на другое, падая водопадами нежной зелени, посреди которой, словно жадно раскрытые губы, ярко-красные венчики слегка колыхались под ленивым движением полузасыпающих ветвей...

Солнце, уходя за горы, весь Дербент охватывало радужным сиянием. Во дворе мечети собралась толпа уже и с любопытством смотрела на загнанного, но чудного кабардинского коня и на его всадника.

— Да это Амед, сын Курбан-Аги. Кажется,

он... Непременно он...

— Нет. Какой Амед! Это байгуш какой-то оборванный. Разве вы не видите? Или вам пыль глаза засорила?

— Амед простого сукна не наденет! А этот в драной холстине. У Амеда и на полях черески позументы.

Елисуец в это время встал и, обратившись к заходившему солнцу, весь был облит его алым светом.

— Амед и есть... Амед! Ты это? Амед... душа моя!..

— Амед! «Да растворятся врата твоего безмолвия!» Чего ты, как соловей, у которого кошки хвост отъели!.. Скажи слово!.. Ты ли это? Что случилось с тобою? Откуда ты коня такого добыл?

— После, после, — теперь не до вас. А коня этого, — не выдержал он, — отнял я у князя Хатхуа. Пустите, я тороплюсь!..

— Куда ты? К себе?

Они знали, что в Дербенте у Курбан-Аги свой дом.

— Нет, к коменданту.

— Поди, переоденься, разве можно так яв-

ляться? Тебя не пустят, скажут: лезгинский нищий, а не елисуьский ага!

Но Амед ударил коня нагайкой, и тот вынесся в растворённую калитку мечети.

Ему хотелось рассказать о своих похождениях, дербентцы бы завидовали ему и удивлялись, но Амед знал, с кем имеет дело. Но горской пословице: «скажи дербентцу что-нибудь по секрету, и сейчас же об этом в Стамбуле и Тегеране узнают». А Амед не мог ещё сообразить, насколько в данном положении нужна тайна, и потому решил молчать до свидания с комендантом.